

Алексей Толочко

Княжеские постриги

В самом конце XII в. в княжеской династии появляется новый ритуал: перед смертью князей начинают постригать в монахи, а иногда и в схиму. Насколько можно судить, первым князем, принявшим предсмертный постриг, был Святослав Всеволодович (1194 г.) киевский¹. В следующем году постригся волынский князь Всеволод Мстиславич², в 1197 г. — смоленский Давыд Ростиславич, принявший к тому же схиму³, а в 1228 г. — галицкий князь Мстислав Мстиславич (впрочем, происходивший, как и предшествующие два, из Мономаховичей)⁴. С началом XIII в. появляются известия об аналогичном обряде среди северных князей: в 1227 г. постригается в схиму Владимир, сын Всеволода Юрьевича суздальского⁵, в 1228 г. схиму принимает Давыд муромский⁶, в 1258 г. Олег рязанский⁷. В XIV в. обряд становится повсеместным и едва ли не обязательным.

Истоки этого обряда не вполне ясны и ждут ещё своего объяснения⁸. Как кажется, можно отыскать скрытый от глаза «инкубационный» период вызревания представлений, нашедших своё выражение, в конечном итоге, в обряде предсмертного пострижения. Для князей черниговской семьи (к которой принадлежал родоначальник обычая Святослав Всеволодович) символическим примером мог быть Игорь Ольгович, убитый постриженным монахом и ставший затем святым. Князь (как его устами настаивает летопись)

---

1 ПСРЛ 2: 680.

2 ПСРЛ 2: 682.

3 ПСРЛ 2: 703; ПСРЛ 1: 414.

4 ПСРЛ 1: 450.

5 ПСРЛ 1: 450.

6 ПСРЛ 1: 450.

7 ПСРЛ 1: 475.

8 Привычка, почти инстинктивная, искать истоки всех культурных феноменов в Византии заставляет исследователей указывать на Константинополь как образец и источник традиции (см.: Голубинский Е. *История русской церкви*. Т. I, втор. пол. тома. М., 1904, 666). Однако только два императора приняли постриг, один — заболел (Исаак Комнин (ум. в 1061 г.), а другой, действительно, перед смертью — Мануил Комнин (ум. в 1181 г.). По одному изолированному случаю на столетие не составляет собой «традицию» и кажется слишком неприметно, чтобы быть воспринято на Руси как значимый обряд и породить подражание.

решил постричься, будучи серьёзно болен и предчувствуя скорую смерть («же оу ноужи сеи боленъ есмь велми . и не чаю собѣ живота»), но, оказывается, размышлял о пострижении «еще въ кнѣзеньи своемъ»⁹. Игоря постригли в Переяславле, а затем в схиму в киевском монастыре Св. Федора.

Для потомков Мономаха, вероятно, был важен другой пример — рассказ *Киевской летописи* о смерти Ростислава Мстиславича. Весной 1167 г., тяжело заболев, Ростислав сделал распоряжения. Если выздоровеет, якобы сказал князь, то примет постриг в Печерском монастыре. Оказывается, он давно уже обдумывал подобный шаг, а впервые мысль пришла ему при известии о смерти Святослава Ольговича (брата Игоря), следовательно, ещё в 1164 г. Тогда от пострижения князя отговорил его духовник, на которого теперь Ростислав возлагал за это ответственность перед Богом. Постриг князь рассматривал как способ избавиться от греховности («кнажение и миръ не можетъ . безъ грѣха быти . а оуже есмь былъ не мало на свѣтѣ се^в»). Ростислав ссылался на вычитанный пример императора-крестителя Константина, якобы желавшего пострижения:

якоже и самого . правовѣрнаго цѣа Константина . слышахъ главаша . аще бы^х въдалъ сеи чѣтнѣ ликъ чернецъский . всходаща съ англы къ прѣтлу Гнѣю бес пристава сналъ бы^х вѣнецъ . и баграницю¹⁰.

Постриг в глазах князя уподоблял бы его мученикам и святым угодникам, которые «приаша възмъздие ѿ Гѣ Бѣ своего» и «въсприаша црѣтво нбѣное». Можно думать, что самым общим стимулом к предсмертному пострижению были представления о монашестве как «чистом» и «безгрешном» образе жизни в противоположность светскому властителю, а обряд имел смысл предсмертного очищения князей от мирской греховности и обеспечивал им спасение.

Постриг князя перед смертью символически рифмуется с первым инициационным обрядом, благодаря которому рождённый в княжеском роде ребё-

9 ПСРЛ 2: 337.

10 ПСРЛ 2: 531. Что именно имел в виду Ростислав и на какой текст ссылался, неясно. Константин Великий оставался во всю свою жизнь язычником и был крещён только на смертном одре никомидийским епископом (арианским) Евсевием. Это, впрочем, на Руси считали клеветой. Два источника знаний о Константине Великом на Руси — *Житие Константина и Елены* (помещённое в *Великих Четьих* минеях под 21 мая) и *Хроника* Георгия Амартола — даже отдалённо не содержат ничего, что могло бы навести Ростислава на его умозаключения. Напротив, Амартол утверждает, что Константин хорошо знал о монашестве и даже писал и приглашал Антония Великого ко двору, а тот, в ответ, поучал властителя (см.: Истрин В.М. *Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь*. Том 1: Текст. Пг., 1920, 352). Ничего, что могло бы навести на мысль о желании Константина принять постриг, нет и в восточной гимнографии (благодарю Шона Гриффина за консультацию в этой специальной области). Новейшие исследователи (Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. *Иноческие имена на Руси*. М., 2017, 215) полагают, что Константин сообщил Ростиславу свои потаённые мысли в процессе «молитвенного общения». Дело, однако, не в том, имел ли в действительности Ростислав мистический опыт, а в том, на какой текст опирался летописец, сочиняя эту сцену много лет спустя.

нок переходил в состояние князя. Таким обрядом были «постриги». В определённом смысле, княжеская биография двигалась от пострижения до пострижения. Оба обряда возникают практически одновременно, в 1190-х гг. (или, точнее, к этому времени относятся первые свидетельства). При этом, один из них (предсмертное пострижение) полагают новым, другой (детские постриги) — древним обрядом.

Считают, что постриги ребёнка относятся к числу традиционных славянских обрядов инициации, знаменуя переход мальчика из-под женской опеки к мужскому воспитанию. Предполагают, что (несмотря на полное молчание источников) обряд бытовал в княжеских семьях издавна и был пережитком языческих практик¹¹. Мы ожидали бы проявлений «пережитков язычества» в такой наиболее христианизированной среде, как княжеская династия, в первые десятилетия после крещения, но не два века спустя. Твёрдая уверенность исследователей в языческом происхождении и смысле обряда тем удивительнее, что находится в прямом противоречии с источниками: уже в первом своём появлении обряд является не просто в церковном обличье, но санкционирован духовными властями, принимающими в нём участие¹². В каком отношении находятся отмеченные летописью княжеские «постриги» с известными этнографически «пострижинами»¹³, не очевидно. Но практически полное хронологическое совпадение между возникновением обряда предсмертного пострижения и первыми сведениями о детских постригах может быть не случайным и свидетельствовать о новом смысле обряда.

Если Рюриковичи и практиковали инициационные обряды, то в одной семье — суздальских Мономаховичей — постригам сыновей и последующему обряду «посаждения на коня» придали значения особого княжеского ритуала, окутав его притом христианскими смыслами.

Первый документированный случай постригов княжича описан в *Суздальской летописи* в следующих выражениях:

-
- 11 Это мнение впервые сформулировал Н.М. Карамзин и с тех пор оно повторяется без каких-либо дополнительных обоснований как совершенно установленный факт; идентично найдём, например, в работах С.М. Соловьёва, Н.П. Павлова-Сильванского, В.Л. Комаровича, В.П. Даркевича, Ф.Б. Успенского, В.В. Долгова, А.Е. Мусина и многих других.
- 12 Хорошо известен рассказ Галла Анонима об одновременных постригах сыновей в семействе князя Попеля и крестьянина Пяста (см.: Галл Аноним. *Хроника и деяния князей или правителей польских. Предисловие, перевод и примечания Л.М. Поповой*. Отв. ред. В.Д. Корольок. М., 1961 [Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы], 28). Этот же рассказ, с вариациями, позднее повторяет магистр Винцентий Кадлубек. Кароль Потканьский пронизательно отметил, что вся история имеет отчётливо христианскую окраску: сына Пяста Земовита постригают двое таинственных путешественников, в которых угадываются либо ангелы, либо святые (Потканьский видит в них миссионеров), так что постриги оказываются благословением и своего рода «крещением» в языческие времена, обеспечившие роду Пяста княжение в польских землях (см.: Karol Potkański, *Postrzyżyny u Słowian i Germanów* (оттиск из: *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny*, t. XXXII) (Krakow, 1895), 3–5).
- 13 См.: Karol Potkański, *Postrzyżyny u Słowian i Germanów*; Седакова И.А. Пострижины. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под ред. Н.И. Толстого, т. 4. М., 2009, 212–215.

В лѣтѣ . 6700 мѣца . июла . въ . кѣ . днѣ . на памаѣ . стаѣ мчѣнка СвьстаѠыа . къ Анкюрѣ Галатиистѣи . Быша постригы оу великаго княза Всеволода . сѣна Геургева . внука Володимера Мономаха . сѣну юго Геургеви в градѣ Суждали . тогожѣ дни и на конь его всади . и быѣ радость велика в градѣ Суждали . ту суццо блжѣному епѣпу Iwa¹⁴ .

Как видим, запись весьма торжественная, что, надо полагать, отражает значение события, в которой принимал участие епископ и которое сопровождалось торжествами с участием населения города.

Таким же выдающимся событием стали следующие постриги, через два года, следующего сына Всеволода, Ярослава:

В лѣтѣ 6702 Быша постригы оу блговѣрнаго и холюбиваго княза Всеволода . сѣна Геургева . сѣну юго Ярославу . мѣца априѣ . въ . кз . днѣ . на памаѣ стаѣ Семевна сродника Гѣна . при блжѣнѣмъ епѣпѣ Iwanѣ . и быѣ радое велика в градѣ Володимери¹⁵ .

В следующем поколении постриги отмечены в семействе Константина Всеволодовича под 1212 г.:

Тогожѣ . лѣтѣ . мѣца маа . въ . кѣ . днѣ на памаѣ стаѣ Михаила епѣпа . Быша постригы оу Константина сѣна Всеволожа . сѣнома юго . Василку . и Всеволоду . и быѣ радость велика в градѣ Ростовѣ¹⁶ .

Последний случай в *Суздальской летописи* касается уже начала XIV в., 1302 г.:

Тогожѣ лѣтѣ . мѣца . ноаѣ . въ . иѣ . на памаѣ . архистратига Михаила . Быша постригы оу княза оу Михаила . сѣнви юго Дмитрию¹⁷ .

То были постриги старшего сына Михаила Ярославича тверского.

Все записи формульные и торжественные, а последние два случая подтверждают незаурядность события ещё и приурочением постригов ко дню именин родителей княжичей¹⁸.

Обратим внимание: очень пристально следящая за событиями в семье Всеволода Юрьевича *Суздальская летопись*, скрупулёзно отмечая рождения, смерти, женитьбы и замужества, почему-то не отметила ни постригов, ни посажения на коня его старшего сына Константина, родившегося всего четырьмя годами ранее Юрия. Это заставляет искать за возникновением обряда, или, по крайней мере, за приданием обыденному и семейному событию

14 ПСРЛ 1: 409.

15 ПСРЛ 1: 411.

16 ПСРЛ 1: 437.

17 ПСРЛ 1: 486. Фигурирующие в литературе постриги с последующим опоясыванием мечом, совершённые над Александром Ярославичем («Невским») «в возрасте четырёх лет», легендарного происхождения.

18 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Траектории традиции. Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века*. М., 2010, 25.

веса государственного ритуала какие-то специфические обстоятельства и побудительные причины.

На такие обстоятельства можно указать.

Всеволод Юрьевич женился до 1174 г.¹⁹ и в течение многих лет у него не было наследника мужского пола. Его первыми детьми были дочери. Относительно числа Всеволодовых дочерей и порядка их рождения в литературе имеются противоречивые, а порой ошибочные сведения, так что есть смысл остановиться на этом детально²⁰.

Из всех дочерей Всеволода год рождения прямо указан только для одной — Сбыславы:

Того же лѣѣ до Дмитрова днѣ . родиса . оу великого Всеволода . четвертаѣ дчи . и нарекоша има во стѣмь крѣщнии . Полагыа а кнѣза Сбыслава . и крѣти ю тетка Ѡлга²¹.

Как утверждает Бережков, события, обозначенные в *Ипатьевской летописи* 6686-м годом, соответствуют 6687-му мартовскому году²², следственно Сбыслава родилась 26 октября 1179 г.

Возраст другой дочери Верхуславы определяется из записи о её замужестве в сентябре 1188 г.:

Того же лѣѣ с велика днѣ посла кнѣзь Рюрикъ Глѣба кнѣза шюрина своего с женоу . Чюрыноу с женоу . ингыи многи боуарѣ с женами . ко Юрьевичю . к великому Всеволодоу . в Соуждалъ . по Верхоуславоу . за Ростислава . а на Боришь днѣ . ѡда Верхоуславоу дщерь свою [...] приведоша же ю в Бѣльгородъ . на Ѡфросѣньинъ днѣ . а заоутра Бгослова . а вѣнчана оу стѣхъ апѣль . оу дереваной цркви блжнѣымъ епѣпомъ Максимомъ²³.

При этом выясняется, что княжне было восемь лет («млада соущи осми лѣтъ»), что по «включающему счету» даёт год её рождения — 1181-й²⁴.

19 О браке Всеволода см. детально: Кузнецов А.А. *Князь великий Георгий — основатель Нижнего Новгорода*. Нижний Новгород, 2017, 34–39.

20 Так, Баумгартен определяет следующий порядок рождения: Сбыслава (1178 г.), Всеслава (без даты), Верхуслава (1181 г.), Елена (без даты). При этом рождённая в 1181 г. Верхуслава непостижимым образом оказывается младше сыновей Бориса, Глеба и Юрия (N. de Baumgarten, *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle* (Roma, 1927), table X). У Войтовича иначе: Сбыслава (1178 г.), Верхуслава (1181 г.), Всеслава (без даты), Елена (без даты). Всеслава и Елена оказываются младше Юрия Всеволодовича (см.: Войтович Л. *Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження*. Львів, 2000). В новейшем исследовании (Кузнецов А.А. *Князь великий Георгий*, 38–39) находим следующие сведения: старшей была Сбыслава (1179 г.), затем родились Всеслава (без даты) и Верхуслава (ок. 1180 г.). Практически во всех справочниках Елена оказывается самой младшей из сестёр.

21 ПСРЛ 2: 613.

22 Бережков Н.Г. *Хронология русского летописания*. М., 1963, 195.

23 ПСРЛ 2: 658.

24 В *Ипатьевской летописи* год обозначен как 6695, что, согласно Бережкову, в действительности соответствует 6696-му мартовскому году и 6697-му ультрамартовскому году аналогичного сообщения *Лаврентьевской летописи*: «В лѣѣ . ѡс . х . чз . Кнѣзь великыѣ Всеволодъ . ѡда дщерь свою Верхуславу Бѣлугороду . за Рюриковича Ростислава . мѣца . иула . въ . а днѣ» (ПСРЛ 1: 407).

Судя по очередности замужества, старше Верхуслavy должна быть Всеслава, выданная в 1187 г.:

Всеволодъ Юргевичъ Володимеръ внукъ Мономаховъ . ѿдалъ дчерь свою Всеславу Чернигову . за Ярославича Ростислава . внука Всеволожа Ѡлговича . и ведена бы^ѣ . мѣца . июла . въ . аї . днь . на пама^ѣ стое мнѣци . Соуѡимы²⁵.

Предполагая, что Всеславу выдавали замуж в том же возрасте восьми лет, что и Верхуславу, получаем дату её рождения — 1180 г.

Рассуждая о количестве дочерей Всеволода, исследователи каким-то поразительным образом не принимают во внимание прямое указание *Ипатьевской летописи*, что предположительно самая старшая из них Сбыслава была уже четвёртой дочерью («родиса . оу великого Всеволода . четвертаа дчи»). Следовательно, до неё в семье уже родилось три дочери. И, действительно, мы знаем о ещё одной — Елене, известной, к сожалению, только из записи о её смерти под 1205 г.²⁶ Поскольку рождения всех детей Всеволода после 1180 г. отмечены летописью (и Елены среди них нет), можно предполагать, что Елена была одной из этих трёх старших дочерей (другие две, вероятно, умерли во младенчестве).

Приходим к выводу, что в семье Всеволода Юрьевича подряд родилось шесть дочерей.

Первого сына Константина пришлось ждать долго: он появился на свет только в 1185 г. Следующие двое сыновей — рождѣнный в 1186 г. Борис и за ним Глеб — умерли один за другим в детстве: первый в 1187 г.²⁷, второй в следующем 1188 г.²⁸, таким образом каждый не дожил до двух лет. Эти трагические обстоятельства, впрочем, обернулись почти чудом: в тот же год, когда умер Глеб, у Всеволода родился сын Юрий — он выжил и дорос до возраста постригов. Выживание второго сына переносило дело наследования из сферы фатальной случайности, способной прервать род, в область, пусть и непрочной, но статистики. Очевидно, именно радость по этому поводу и демонстрировал Всеволод, придав постригам столь большой размах, а к тому же совместив их с другим обрядом — «посажения на коня» (необычность этого специально отмечает летописец и, действительно, больше такое сочетание не повторялось)²⁹.

25 ПСРЛ 1: 405. Проставленный в сообщении 6696-й год есть ультрамартовский, следовательно, событие произошло в июле 1187 г. (Бережков Н.Г. *Хронология русского летописания*, 69).

26 «Того^ѣ [лѣта]. мѣца . дека^ѣ . въ . л . на пама^ѣ стго апѣла Тимона . Престависа великаго княза Всеволода дщи . именемъ Елена . и положена бы^ѣ в цркви стѣна Бѣа . в монастыри юже бѣ создала великана кнѣгыни . и блжѣнаа Всеволожа» (ПСРЛ 1: 421).

27 ПСРЛ 2: 653; ПСРЛ 1: 406. Все даты *Лавр.* на этом отрезке летописи, согласно Бережкову, даны по ультрамартовскому стилю (Бережков Н.Г. *Хронология русского летописания*, 69–70).

28 ПСРЛ 1: 407.

29 Вопреки настойчивым утверждениям, что постриги княжича всегда сопровождались посажением на коня.

Как кажется, особую радость Всеволода по поводу рождения именно второго сына можно усмотреть в исключительной торжественности летописной записи о событии:

Тое же всени родиса снѣ оу великаго Всеволода . в Соуждали во Филипово говѣние . мѣца ноѣбра . во кс . днѣ на свщѣнїе цркви . моученика Гевргиѧ . и велѣ шѣе его Всеволодь епѣпоу Лоуцѣ . нареши има емоу Юрьи . дѣдне има . и быѣ радость велика в Соуждальской землѣ во всеи . и створи бракъ великѣ Всеволодь . тогды же Инаковѣ приѣха из Роуси . проводивѣ Врѣхославоу . и быѣ раѣ великому кнзю . и его кнагинѣ . и боѣромѣ и всѣмъ людемь³⁰.

Она очевидным образом контрастирует с достаточно сухим сообщением о рождении старшего Константина (когда ещё никакой тревоги не было):

В тоѣ лѣѣ . тогоѣ . мѣца . маѧ въ . иї . днѣ . на памаѣ стаѣ муѣ . Потапыѧ . В субѣту . роди снѣ оу великаго кнѧза Всеволода . и нарекоша има кѣму в стѣмъ крщїии . Костантинѣ³¹.

Отметим символику в выборе места и даты постригов Юрия. Он родился в Суздале (вероятно, во время осеннего полудья Всеволода), и через два года и восемь месяцев отец намеренно привозит его туда же для совершения обряда постригов на месте рождения, а днём избирает 28 июля, с тем, чтобы событие состоялось в воскресенье (так же точно, в год рождения Юрия, отправляя дочь Верхуславу на юг, Всеволод приурочил это к «Борисову дню» 24 июля, попадавшему на воскресенье; и прибыла княжна в Белгород тоже в воскресенье 25 сентября). Город, родивший Юрия, Суздаль, был символически обновлен: «тогоѣ лѣѣ заложень быѣ граѣ Суждаль и срубленъ быѣ тогоѣ лѣѣта»³².

Похоже, с Юрием спешили: его постриги состоялись в 2 года и 8 месяцев. Его брата Ярослава, например, постригали в 4 года и 3 месяца³³, что ближе к другим засвидетельствованным случаям. Так, Васильку Константиновичу в момент постригов было 3 года и 5 месяцев³⁴, а Дмитрию Михайловичу — 4 года и 2 месяца³⁵.

Необходимо отметить одну странность: только двое из сыновей Всеволода прошли обряд постригов. Летопись не отметила постригов последующих сыновей Фёдора-Ярослава, Дмитрия-Владимира, Гавриила-Святослава и Иоанна³⁶. По какой-то причине ради их не стали прибегать к обряду; не ис-

30 ПСРЛ 2: 659.

31 ПСРЛ 1: 396–397.

32 ПСРЛ 1: 409.

33 Родился 8 февраля 1190 г. (ПСРЛ 1: 408).

34 Василько родился 7 декабря 1208 г., пострижен был 23 мая 1212 г.

35 Дмитрий родился 15 сентября 1298 г., пострижен был 8 ноября 1302 г.

36 Это не единственная странность в семействе Всеволода. Похоже, что первые два сына — Константин и Юрий — не имели собственно «княжеских» имён, в отличие от следующих, таковыми снабжённых.

ключено, достаточное количество сыновей снимало тревогу и в особом заступничестве уже не было нужды. Может оказаться совпадением, но в следующем поколении также только два сына Константина, Василько и Всеволод, проходят обряд постригов, но не третий сын Владимир.

Кроме суздальских Мономашичей княжеские постриги зафиксированы ещё только в одной семье: черниговских Ольговичей. Михаил Всеволодович совершил этот обряд над своим сыном Ростиславом в Новгороде 1230 г.:

Въ то же лѣто князь Михаилъ створи пострѣгы сынови своему Ростиславу Новгородъ у святѣи Софии и уя влас архиепископъ Спиридон; и посади его на столѣ, а самъ поиде въ Църниговъ³⁷.

Примечательно, что архиепископом Спиридон стал в предыдущем году именно благодаря княжичу Ростиславу, вытаскивавшему его жребий. Особое значение обряд постригов Ростислава приобретал в связи с тем, что Михаил отправлялся на Русь и оставлял малолетнего сына одного в Новгороде. Очевидно, посадить княжича на стол в столь юном возрасте³⁸ было невозможно или затруднительно, следовательно, постриги каким-то образом дополнительно упрочивали его посадение на стол, сразу же затем и совершённое. Это не помогло: в следующем же году новгородцы «княжицю Ростиславу путь показаша»³⁹, а пригласили, по совпадению, «стриженого» в 1194 г. Ярослава Всеволодовича.

Этим, собственно, и исчерпываются наши свидетельства о постригах княжичей. Как видим, в каждой из семей постриги возникают в обстоятельствах экстраординарных, требующих особых, не предназначенных для обыденной жизни, действий.

Как отмечено выше, возникновение традиции предсмертных пострижений князей апеллировало к агиографическим образцам. В случае постригов княжичей, как кажется, также можно указать на такой образец. Полагаем, что им был один из вариантов жития св. Вацлава, имевших хождение на Руси, вероятно, в форме так называемой *Востоковской легенды* или *Минейной редакции*. В *Востоковской легенде* читаем о Вацлаве:

И възрасте отрок, яко бы уяти ему волос, и призва Воротислав князь епископа етера с всем клиросом. И певшим литургию в церкви святѣя Мария, и взем отрока постави на степени пред олтарем и благослови и се рек: «Господь Иисус Христос благослови отрока се благословением, им же благословил еси вся праведники твоя». И постригоша князя ини⁴⁰.

37 НПЛ: 69.

38 Полагают, что Ростиславу в это время было 4 либо 5 лет (N. de Baumgarten, *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides*, 55).

39 НПЛ: 70.

40 Востоковская легенда. *Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности*. М., 1979, 35. Аналогичная сцена присутствует и в глаголической редакции, см. текст: Ягич В. Легенда о св. Вячеславе. *Русский филологический вестник*. 48, 3–4 (1902), 104.

О смысле и происхождении этого обряда, явной инновации для Чехии начала X в., существуют различные мнения. Й. Вайс обратил внимание, что в восточной церкви отстрижение волос младенца было, наряду с окунанием в купель и помазанием, составной частью обряда крещения, причём по этому случаю читались священником особые молитвы, отзвуки которых прочитываются и в житии⁴¹. Таким образом, постриги Вячеслава были своего рода крещением. Вероятно, таково могло быть мнение автора жития. Однако «епископ Нотарь», совершавший обряд, был идентифицирован как веронский епископ Нотарий (ум. в 928 г.), и, следовательно, он не мог совершать постриги согласно восточной традиции, но его интерпретация события, разумеется, неизвестна⁴².

В легендах о св. Вацлаве латинского круга (какой-то вариант которых, вероятно, был известен на Руси уже в XI в.⁴³), отразившихся в *Легенде Никольского*, Вацлав предстаёт как князь-монах («небесная паче прочих смотря мыслию заветною преди положи, да аще и яве мирьския области строитель бе, но обаче к божией службе сладцей и от первых лет детских любовию обдержим бе») и даже прямо называется монахом: «ему же подобает князю быти, отвращен есть от клирик [...] и есть яко и мних»⁴⁴. В *Востоковской легенде* такого прямого определения нет, но его, конечно же, вычитывали из склонности князя к учению и времяпрепровождению в кругу книг. В таком случае, можно думать, что постриги понимались, скорее, как нечто вроде монашеского посвящения.

Впрочем, сокровенное понимание события современниками (если постриги действительно состоялись) и даже авторами житий для нас не так важно (оно могло уже не прочитываться на Руси в XII в.). Важнее, что могли заключить из непосредственного чтения текста. Замечаем поразительное совпадение в последовательности и деталях обряда между житийным образцом и первыми рускими постригами⁴⁵. Такой же поразительный параллелизм

41 См.: Josef Vajs, "Postřiziny sv. Václava," *Časopis katolického duhovenstva* 70 (1929), 48–63; см. также: Josef Frček, *Byl sv. Václav postřižen podle ritu východního či západního?*, *Slovanské studie. Sborník statí, věnovaných prelátu univ. prof. dr. Josefu Vajsovi k uctění jeho životního díla*. Red. J. Kurz, M. Murko, J. Vašica (Praha 1948), 144–158.

42 Vojtěch Tkadlčík, "Kdo udeřil postřiziny sv. Václavu?," *Listy filologické* 103 (1980), 209–212; Dušan Tršeščík, "Václav a Berengar. Politické pozadí postřiziny sv. Václava roku 915," *Český časopis historický* 89 (1991), 641–661.

43 Norman W. Ingham, "Czech Hagiography in Kiev. The Prisoner Miracles of Boris and Gleb," *Die Welt der Slaven* 10 (1965), 166–182; Norman W. Ingham, "The Sovereign as Martyr, East and West," *The Slavic and East European Journal* 17, 1 (1973), 1–17.

44 Легенда Никольского. *Сказания о начале Чешского государства*, 73, 77.

45 Вплоть до несколько амбивалентной роли епископа. Й. Вайс подметил одну деталь жития: епископ присутствует при обряде, по окончании его благословляет Вацлава, но постригает отрока кто-то иной (Josef Vajs, "Postřiziny sv. Václava," 61–63). Аналогичную позицию епископа Иоанна можно вычитать из уклончивых выражений летописца: «ту сущю блжнному епѣпу Іуаѣ», «при блжнѣмъ епѣпѣ Іуанѣ». Спустя 35 лет новгородский архиепископ уже сам постригает Ростислава Михайловича.

обнаруживается между состоянием семей пражского князя Вратислава и владимирского Всеволода: в момент постригов у них два сына и четыре дочери (что, в свете предыдущих наблюдений, должно было обратить на себя внимание, тем более, что количество сестёр Вацлава зачем-то особо отмечено в житии: «имяста же сестры 4»)⁴⁶.

Главное же, что можно было вычитать из жития св. Вацлава, состояло в том, что совершённый таким образом обряд постригов обеспечивает отроку благословение и особое заступничество в жизни: «Тем же, мним, яко убо благословением епископа того, но молитвами благоверными нача отрок рости, благодатью божиею храним»⁴⁷.

Из наших наблюдений вытекает, что, каковы бы ни были предполагаемые традиционные истоки, обряд княжеских постригов представляет собой явление сравнительно новое в княжеской династии, впервые в известных нам формах возникающее в 1190-х гг., и обряд, в каком-то смысле имитирующий монашеское пострижение. Трудно, при всём желании, разглядеть в нём некий традиционный и тем более языческий смысл: постриги происходят в кафедральных храмах, а совершает (по крайней мере, в одном случае) отстрижение волос собственноручно епископ. Неизвестно, стал ли обряд постригов общеупотребительным в династии. Оставаясь в кругу свидетельств и не прибегая к домыслам, приходится, скорее, отрицать такую возможность. Постриги княжичей практиковались, по существу, только в одной княжеской семье: потомков Всеволода Юрьевича, что и понятно, так как именно он и положил начало традиции. Очень поздно постриги появляются в семье черниговских Ольговичей (и, примечательно, в Новгороде, а не на юге), но по известным причинам в семье Михаила Всеволодовича обряд не получает дальнейшего развития (постриженный Ростислав женится на дочери короля Белы IV и не имеет мужского потомства). В обоих семействах необходимость в постригах княжичей возникает в ситуациях, когда необходимо призвать дополнительную поддержку высших сил.

Інститут історії України НАН України

---

46 Востоковская легенда, 36.

47 В *Минейной редакции* этому благословию епископа придано даже значение идеологическое благодаря распространению фразы епископа упоминанием первых христианских владетелей: «благословил еси вся праведники твоя Авраама и Исаака и Якова и венчал еси правоверных царей равных апостолом Коньстантина и Елену» (Минейная редакция Жития Вацлава. *Сказания о начале Чешского государства*, 61). Впрочем, время возникновения этой редакции неопределённо и нельзя настаивать, что подобная интерпретация епископского благословения была известна в конце XII в.